

Екатерина Мордвинцева

Ты меня бeсишь

УДК 82-312.9
ББК 84-445
М79

Мордвинцева Е.

М79 Ты меня бесишь / Екатерина Мордвинцева. – М.: Литнет, 2026. – 226 с.

ISBN 978-5-524-00450-5

Оборотень-циник и изгой без права голоса. Чтобы спасти Лиру от верной гибели, Дэймону пришлось назвать её своей женой. Формально. Фиктивно. Временно. Но их тела думают иначе. С каждым днем грань между ненавистью и одержимостью стирается. А когда в Лире просыпается древний, пугающий дар, который может уничтожить или возвысить их обоих, Дэймон понимает: он готов на всё. Даже признать то, что отрицал всю жизнь – она его истинная. Но не поздно ли?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00450-5

© Литнет, 2026

© Мордвинцева Е., 2026

Пролог

Гул басов проникал сквозь стены элитного клуба даже на стоянку, заставленную дорогими внедорожниками с тонированными стеклами. Нейтральная территория. Здесь не действовали законы стай, только закон денег и грубой силы, прикрытой лоском. Здесь пахло дорогим алкоголем, французскими духами и феромонами. Тяжелыми, дразнящими, от которых у любого оборотня инстинктивно обострялся нюх, а в крови начинал бурлить адреналин.

Дэймон сидел в своём обычном углу VIP-ложи, возвышавшейся над основным залом. Черная кожа дивана, янтарный напиток в стакане, ленивый, почти скушающий взгляд. Отсюда, сверху, был виден весь этот балаган, который он про себя называл «ярмаркой тщеславия и инстинктов».

Внизу на танцполе парочки волков терлись друг о друга, в танце пытаясь уловить ту самую искру. Кто-то уже не церемонился, прижимая партнерш к стенам, впиваясь в губы поцелуями, полными надежды наткнуться на «ту самую». Дэймон хмыкнул, сделал глоток виски, обжигая горло.

«Истинность, – подумал он, с легкой брезгливостью наблюдая за молодым волком, который, задрав голову, откровенно принимался к проходящей мимо девушке. – Сказка для щенков, чтобы оправдать собственную распушенность и нежелание искать нормальную партнершу. Способ списать животную похоть на судьбу.»

Он знал цену таким сказкам. Его родители были истинной парой. И что? Мать умерла, когда ему было десять, отец спился с горя и погиб в дурацкой драке через пару лет. Истинность не спасла их. Она просто сделала боль от потери невыносимой, отравленной навсегда. С тех пор Дэймон усвоил урок: никаких уз. Короткие связи, которые не оставляют шрамов в душе.

Потребности тела можно удовлетворить и без сопливых обещаний вечности.

Сегодняшний вечер был особенно тоскливым. Партнеры по бизнесу, которых он тут встретил, оказались скучными, выпивка – привычной, а охота в зале – унылой. Ни одной интересной самки, от которой хотя бы мелькнула мысль не просто сбросить напряжение, а задержаться дольше, чем на одну ночь.

Он поставил стакан на стол. Пожалуй, пора валить. Вызвать такси, пусть машину забирают завтра. Искать себе развлечение на ночь в этом серпентарии не хотелось. Настроение было паршивым.

Дэймон поднялся, одернул пиджак и, не прощаясь, направился к лестнице, ведущей на первый этаж к служебному выходу.

Лира старалась дышать ровно, но сердце колотилось где-то в горле. Барная стойка в тени колонны казалась ей единственным безопасным местом в этом аду из кожи, блесков и неприкрытых желаний. Она сжала в кулаке край своей простой джинсовой куртки – единственное, что не выдавало в ней чужачку среди этих холеных хищниц в шелке.

Она была здесь не по своей воле. Бета, мужлан с масляными глазами, приказал: «Сходишь, Лира. Информатор будет у черного входа в полночь. Купишь сведения и сразу назад. Ты мелкая, незаметная, никто не обратит внимания». Конечно, никто. Потому что она изгой. Омега без дара, без связей, без права голоса. Пушечное мясо для грязных поручений.

И она пошла. Потому что выбора у неё не было.

Информатор, худой тип в дешевом костюме, ждал её в подсобке за кухней. Все было как обычно: он протянул руку за конвертом с деньгами, она ждала, когда он отдаст флешку. А потом раздался глухой хлопок. Тело информатора дернулось, из спины брызнуло чем-то теплым, и он мешком осел на грязный пол.

Лира замерла. В голове билась одна мысль: «Это подстава.»

Крики на кухне, топот ног. Чьи-то чужие, агрессивные запахи – оборотни, не из её стаи, явно ищейки. Они не спрашивали, они просто искали.

Лира рванула прочь из подсобки, врубившись в толпу на танц-поле, как испуганная лань. Расталкивая локтями подвыпившие парочки, она пробиравлась к выходу, но вдруг услышала за спиной:

– Стоять, мелкая!

Её узнали. Или просто погнались за любой, кто выбежал с места убийства. Ноги сами понесли её к лестнице – туда, где было меньше народу, где, кажется, был запасной выход. Она влетела на ступеньки и...

Врезалась в стену. Нет, не в стену. В грудь. Каменную, широкую, от которой пахло дорогим парфюмом, виски и дикой, сдерживаемой силой.

Дэймон как раз спустился на пару ступеней, когда в него буквально влетело это недоразумение. Маленькое, взъерошенное, с глазами, полными животного ужаса. Он машинально выставил руку, чтобы грубо оттолкнуть нахалку, которая посмела коснуться его.

Но в момент касания мир вокруг взорвался.

Это не было просто касанием. Это было короткое замыкание в нервных окончаниях. Разряд молнии, ударившей прямо в позвоночник и взорвавшейся в паху. Жар, дикий, всепоглощающий жар, разлился по венам, сжигая всю многолетнюю броню цинизма и скуки. В груди зарычал волк – не просто зарычал, взбесился, забился в истерике, требуя одного: «Моё!»

Дэймон впервые в жизни потерял дар речи. Его тело, всегда подчинявшееся только ему, замерло, признавая в этой испуганной девчонке что-то большее, чем случайную прохожую.

Лира подняла глаза и наткнулась на взгляд, от которого у неё подогнулись колени. Холодные, стальные глаза, в которых сейчас полыхало что-то первобытное, голодное, опасное. Она вцепилась в его пиджак, чувствуя под пальцами тугую силу мышц, и прошептала, с ужасом понимая, что только что выпрыгнула из огня да в полымя:

– Пожалуйста...

Сзади раздались крики преследователей. Они были совсем близко.

Не думая, повинуясь только инстинкту самосохранения, Лира сделала единственное, что могло сбить их со следа в этом мире, помешанном на запахах. Она рванула его на себя, привстала на цыпочки и впилась в его губы поцелуем.

Она ожидала, что он оттолкнет её. Ударит. Убьет. Но вместо этого на долю секунды мир замер. Его губы были жесткими, горячими, пахли виски и мятой. А потом он перехватил инициативу.

Это был не поцелуй. Это было завоевание. Его рука собственнически сжала её затылок, пальцы запутались в волосах, прижимая, не давая отстраниться. Язык вторгся в её рот властно, глубоко, пробуя, изучая, сметая. Лира забыла, как дышать. От него пахло грозой, лесом и чем-то таким, отчего внутри всё сжималось в тугую узел, а тело предательски таяло, несмотря на страх.

Преследователи выбежали на лестничную площадку, скользнули по ним взглядом – парочка, увлеченная друг другом, мало ли таких в клубе – и пробежали мимо, к главному выходу.

Как только звук их шагов стих, Дэймон грубо оторвал её от себя. Оттолкнул так, что она ударилась спиной о перила.

Лира перевела дух, чувствуя, как горят губы, и машинально, рефлексивно, вытерла их тыльной стороной ладони. Словно пыталась стереть с себя его прикосновение, его запах, эту унижительную слабость в коленях.

Это движение резануло Дэймона острее ножа. Никогда. Ни одна женщина не смела вытираться после него. Никогда. Это было оскорбление его альфа-сущности на таком глубоком уровне, что гнев смешался с чем-то еще, незнакомым и пугающим.

– Ты вообще понимаешь, кто я? – прорычал он, нависая над ней скалой. Его голос, низкий и вибрирующий от ярости, казалось, сотрясал воздух.

Лира, хотя внутри у неё всё дрожало, вскинула подбородок. Если умирать, так с гордо поднятой головой. Эта привычка выработалась годами унижений в стае – показывать слабость нельзя, затопчут.

– А ты понимаешь, что сейчас умрешь, если не поможешь? – огрызнулась она, сверкая глазами. В них плескался страх, но и вызов тоже. Настоящий, волчий вызов.

Дэймон замер. На него смотрела не жертва. На него смотрела волчица. Загнанная в угол, но готовая кусаться. Её запах – страх пополам с чем-то сладким, дурманящим – бил в ноздри, будоража зверя внутри сильнее любого феромона.

Любопытство. Дикое, нездоровое любопытство к этой наглой, вытирающей губы девчонке, затмило гнев. Кто она? Почему его тело реагирует на неё так, как не реагировало ни на кого? И главное – почему его бесит, что она его боится, но дерется?

– Пошли, – рявкнул он, схватив её за запястье.

– Отпусти! – она дернулась, пытаясь вырваться. – Я никуда с тобой не пойду!

– Пойдешь, – отрезал он, без усилий таща её за собой к выходу, игнорируя её сопротивление. – Если хочешь дожить до утра. Или предпочитаешь, чтобы тебя нашли в канаве с перерезанным горлом те, от кого ты бежишь?

Она дернулась еще раз, но хватка была железной. Лира лихорадочно соображала. Он прав. Если её поймут те, кто убил информатора, ей не поздоровится. А этот... От него пахло силой. Настоящей, абсолютной властью. Может, с ним она будет в безопасности? Хотя бы на ближайший час.

– Руку отпусти, – прошипела она сквозь зубы. – Я пойду сама.

Дэймон усмехнулся, но хватку ослабил, переведя руку ей на талию, якобы поддерживая, но на самом деле фиксируя. Контролируя. Он списал дикую ломку в теле, странное возбуждение и злость на гормоны и адреналин.

Просто необычная ночь. Завтра он выяснит, кто она, и вышвырнет вон. Проблема решена.

Но где-то в глубине души, там, где жил его волк, уже зарождалась паника. Потому что волк знал: вышвырнуть её не получится. Никогда.

Глава 1

Ночной город расплывался за тонированными стеклами внедорожника цветными пятнами – неон вывесок, золото фонарей, кроваво-красные огни стоп-сигналов. Лира сидела на заднем сиденье, вжимаясь в дверь, пытаясь создать хоть какое-то расстояние между собой и мужчиной, который занял больше половины салона одним своим присутствием.

Он не смотрел на неё. Сидел, откинувшись на спинку, положил руку на подлокотник, и его длинные пальцы почти касались её бедра. Почти. Это «почти» сводило с ума хуже любой пытки. Лира ловила себя на том, что смотрит на эти пальцы – сильные, с аккуратными, но явно мощными фалангами, и в голову лезли совершенно неуместные мысли. Как бы она ни старалась их отогнать.

Молчание давило. В машине пахло кожей, его парфюмом – древесным, терпким, с горьковатой нотой бергамота – и ещё чем-то, неуловимо опасным. Диким. Запах хищника, который только что взял след.

– Куда мы едем? – спросила Лира, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Он повернул голову. В полумраке салона его глаза блеснули холодным серебром – зрачки были расширены, но не от недостатка света. От возбуждения. Хищного, голодного возбуждения, от которого у Леры внутри всё сжалось в тугой узел.

– Ко мне, – ответил он коротко. Голос низкий, вибрирующий, отдающийся где-то внизу живота.

– Я не собираюсь... – начала она, но он перебил, даже не повышая тона:

– Собираешься. Если хочешь жить.

Лира стиснула зубы. Спорить бесполезно. Она только что видела, как убили человека. Её подставили. Свои же, из её стаи, подставили

её, как пешку, которую не жалко сбросить с доски. А этот... Этот хотя бы не убил её на месте. Пока.

Она покосилась на мужчину. Мощный профиль, резкая линия челюсти, темные волосы, уложенные назад, но сейчас выбившаяся прядь падала на лоб, делая его моложе и опаснее. Он был красивой тяжелой, грубой красотой, от которой у нормальных девушек подкашиваются колени. Лира всегда считала себя ненормальной.

Внедорожник нырнул в подземный паркинг элитной высотки в центре города. Охрана на въезде козырнула, узнав машину. Лира насчитала три уровня защиты, прежде чем они остановились на личном, отдельном парковочном месте, отгороженном от остальных стеклянной перегородкой с электронным замком.

«Бежать некуда», – мелькнула холодная мысль.

Он вышел первым, даже не взглянув, последует ли она за ним. Лира помедлила секунду, оценивая расстояние до лифта, до пандуса, до... До чего? Она понятия не имела, где выход. И даже если найдет, эти стены напичканы охраной, как торт кремом.

Пришлось идти за ним.

Лифт был отдельный, частный, с зеркальными стенами и панелью без кнопок – только считыватель отпечатка пальца. Он приложил руку, и кабина плавно поползла вверх. На сорок четвертый этаж.

В замкнутом пространстве его запах стал невыносимым. Он заполнял легкие, проникал под кожу, смешивался с её собственным страхом и, чёрт возьми, с чем-то ещё. С чем-то, от чего тело начинало жить своей жизнью, вопреки здравому смыслу. Лира ненавидела себя за эту реакцию. Стояла, вцепившись в ремешок своей дешевой сумки, и смотрела в пол, лишь бы не встречаться с его глазами в зеркалах.

Двери открылись прямо в прихожую. И Лира забыла, как дышать.

Пентхаус был огромным. Панорамные окна от пола до потолка открывали вид на весь ночной город – море огней, рассыпанных у ног. Минимализм, холодный металл, стекло, черная кожа. Ничего

лишнего. Ничего тёплого, живого. Как музей современного искусства. Или как очень дорогая клетка.

– Проходи, – бросил он, сбрасывая пиджак прямо на пол, и направился к бару, встроенному в стену из черного мрамора.

Лира не двинулась с места. Она лихорадочно сканировала пространство: окна (не открываются, наверное), двери (одна, вторая – спальни?), вентиляция (слишком узко). Охраны видно не было, но она чувствовала их – там, за дверью служебного лифта, наверняка сидит кто-то.

– Я сказал, проходи, – повторил он, наливая себе виски в широкий стакан.

– Или предпочитаешь стоять там, как нашкодивший щенок?

– Я тебе не щенок, – огрызнулась Лира, но всё же сделала шаг вперед, вглубь этого стерильного великолепия.

Он усмехнулся. Коротко, без веселья.

– Это мы еще посмотрим.

Она прошла к дивану, но садиться не стала. Встала у окна, спиной к свету, чтобы видеть его, а он видел только её силуэт. Маленькая тактическая хитрость.

Он плеснул виски во второй стакан и поставил на стеклянный столик перед диваном.

– Пей. Выглядишь так, будто тебя сейчас ветром сдует.

– Не хочу.

– Я не спрашивал, – его голос стал жестче. – Садись и пей. Нам нужно поговорить.

Лира подумала, что отказываться глупо. Ей действительно нужно было успокоиться, привести мысли в порядок. Она села на край дивана, взяла стакан, сделала маленький глоток. Обжигающая жидкость покатилась по горлу, оставляя за собой тепло. Виски был дорогим, сложным, с нотами дыма и сухофруктов. Она почти не пила алкоголь, но сейчас он был кстати.

Мужчина сел напротив. В кресло. Не рядом. Это было важно – он держал дистанцию. Но его взгляд... Взгляд не отпускал ни на секунду. Ощупывал, изучал, раздевал.